

Гусейнбала Мираламов

Путь к триумфу

Эссе

Издательство «Гянджлик»

Баку – 2003

Редактор и издатель **Алиджан Алиев**
Перевод **Сиявуша Мамедзаде**

Г.Мираламов. Путь к триумфу. Эссе, Баку, Гянджлик, 2003, 66+4 стр.

В эссе писателя-публициста Гусейнбалы Мираламова «Путь к триумфу» воспевается славный жизненный путь, пройденный великим сыном нашего народа, мудрым аксакалом, Отцом нации, глубокоуважаемым Президентом Гейдаром Алирза оглы Алиевым.

© Г.Мираламов, 2003

ПУТЬ К ТРИУМФУ

Эссе

*Великому сыну нашего народа,
Аксакалу нации, досточтимому
Президенту суверенного Азербайджана
Гейдару Алирза оглы Алиеву с глубокой
признательностью посвящается.*

Великий Гражданин перевел дух на вершине. Он с гордостью взирал на Дворец, в созидание которого вложил тепло рук своих, свет мудрости своей, жар сердца своего, на протяжении долгих лет кладя кирпич за кирпичом, возводя ступень за ступенью — Дворец государства по имени Азербайджан, ныне уже видимый со всех уголков мира. [5-6]

Этот Чертог переливался всеми цветами радуги в сиянии утреннего весеннего солнца. Грандиозность Дворца, возведенного ценой неизмеримых трудов и усилий, преодоления тернистого пути преисполняла волнением сердце, вынесшее всевозможные невзгоды, вместившее в себя священные чаянья... Радость сбывшихся мечтаний обуревала душу, стесняла дыхание...

...Сколько лет и зим сменилось, пока мечты воплотились в явь... Сколько ледяных глыб растаяло, сколько гроз отгремело, сколько ливней и селей отбушевало... Земля, истрескавшаяся под палящим солнцем, изнывала от жажды... Налетали внезапные вихри, вырывая с корнем не успевшие раскрыться цветы... Холодные северные ветры прибавили седин Матери-Родине, черные вихри губили ее неоперившихся птенцов...

Он слышал стоны и плач Матери-Родины, и душа его отзывалась болью. [6-7]

Великий Гражданин вершил свой путь — тяжелой поступью, терпеливо всматриваясь в горизонт.

Он шел к той черте времени, когда ему было суждено повернуть колесо истории своей решимостью и волей. Ведь ждать у моря погоды, сложа руки, плыть по течению — означало поражение. Предстояло идти на смертный бой, чтобы с честью выдержать испытание истории. Он сражался. Сражался со всей волей и решимостью. Он шел навстречу времени решающих битв, и время шло ему навстречу.

Он прозревал это пронизательным умом и феноменальным чутьем. Он умел прозревать эту даль, вынужденный жить и работать в тисках прокрустовых законов режима, бросившего вызов всему миру, возносившего тиранов на Олимп под бурные, продолжительные аплодисменты, воспевавшего их в патетических панегириках, и способного столь же скоро [7-8]ро предавать их забвению, когда по воле Божьей они сходили с арены истории...

Жизнь дается человеку один раз. Надо успеть уложиться в отпущенный земной срок.

Но сколько несбывшихся мечтаний, не-воплотившихся надежд... Все мы знаем, что мечты и чаянья, взошедшие в наших изболевшихся, исстрадавшихся сердцах, подчас остаются мечтами...

Но ведь и Великий Гражданин, как сын человеческий, как все мы, чаёт радости, ведь и он подвергается мукам и страданиям.

Бережно распорядиться каждым мгновением отпущенной Богом жизни, воспользоваться тем, что выпало тебе на долю из всех благ, сотворенных солнечным светом, энергией на земле, вдохнуть жизнь и воплотить заветные устремления, — это все уже зависит от воли самого человека. Человек должен быть благодарен Создателю за природные дары и венец этих даров — разум. Обратить разум в созидательную силу, в творчес[8-9]кое историческое деяние — это труднейшая миссия. Немногим она по плечу. Те, кому это дано, — избранники судьбы. Личности общечеловеческого масштаба.

Великий Гражданин сумел исполнить эту миссию. Сумел, — за этим словом труд всей жизни. При взгляде на путь восьмидесятилетней жизни, полной бурь и борений, напряженнейших психологических коллизий, становится очевидной неполнота этого слова, не отражающего всю конкретику.

Легко ли Великому Гражданину было выходить из острейших и драматических ситуаций с мастерством, изумлявшим даже непримиримых оппонентов, более того, не упускать шанс извлекать пользу из таких ситуаций, развязывать силой интуиции запутанные тугие узлы? Ответ ясен. Оппоненты, будучи не в силах признать истину в открытую, примиряются с нею в душе. Великий Гражданин вправе с гордостью окинуть взором пройденный путь. [9-10] Орел взмывает ввысь на могучих крыльях и реет в небесных просторах; он вьет гнездо в лоне заоблачных круч,

— с высоты виднее. Орлиным взором он созерцает оставшиеся далеко внизу ущелья, бескрайние равнины...

Великий Гражданин оглядывается на победные пути ушедших в историю лет и сменяющие друг друга оттенки выражений; тени, пробегающие по лицу, говорят о том, что эти пути отнюдь не были сплошь усыпаны розами... Прежде чем восходить по ступеням, отмеченным лаврами, надо было их построить. Дорога жизни — не накатанное шоссе, не звенья единой цепи, — находятся вероломцы, которые с палаческой беспощадностью норовят разрубить эту цепь...

Он был готов ко всем неожиданностям. Человек — уникальное создание, венец творения, не может жить растительной жизнью, он живет высокой целью, ради воплощения идеалов, которые святы для [10-11] него. И самые драматичные битвы и борения движимы этой целью. Без веры, без цели — он бы остался на полпути. Жизнь лишилась бы смысла.

Великий Гражданин избрал путь борьбы во имя всего святого, дарованного Господом роду человеческому. Мечта обращалась в деяние. Его кредо опиралось на духовные ценности. И здесь надо искать исток его неистощимой силы, энергии.

Смолоду, с расцветной поры жизни владевшие им высокие чаяния придавали ему сил, сливаясь воедино с чаяньями Матери-Родины, взрастившей и вскормившей его, с чаяньями родного народа, — и влекли вперед, в новые дни.

Вот что закалило его волю, вот что помогало ему с честью пройти через все испытания, вот что обусловило его непоколебимую стойкость.

Вот что превращает человека в венец творения, утверждает место на вершине духа и делает его любимцем Бога и людей. [11-12]

Великий Гражданин взошел на вершину свершений и побед. Нет, он не занят только лишь простым созерцанием пройденного пути. Он пережил такое прошлое, которое исключает благостное созерцание. Эта ретроспекция с высоты прожитого нужна для того, чтобы прозревать пути в будущее, постигать науку продолжения борьбы за святы идеалы. Эта жизнь сама по себе — наука, создававшаяся десятилетиями, веха за вехой, глава за главой; наука, которую впору бы преподавать и изучать в признанных университетах мира. Это — наука государственного строительства. Это — наука, посвященная общечеловеческим ценностям, народу, нации, родной земле, искусству слова и дипломатии, умению прощать, умению прозревать грядущее, не забывая о минувшем. Умению видеть свет в конце тоннеля, луч надежды в положении, кажущемся безвыходным. И он, Великий Гражданин, — творец этой [12-13] науки. Он смог мобилизовать силу духа, проникающую его существо, он не дрогнул в самые роковые минуты, не допускал даже мысли о поражении, когда зло уже, казалось, трубило победу... Кредо и принципы, выработанные на основе принятых духовных ценностей, обусловили линию гражданского поведения, ритм его жизни; не подпадая ни под какое чужеродное влияние, не обращая внимания на брюзжание моралистов-пустозвонов, он был движим велением сердца и опирался на силу своего интеллекта. По этой причине он не сбился с пути, не потерял ориентиров в самые смутные часы истории.

Последнее десятилетие — отрезок, выражаемый сухими цифрами — включает в себе судьбоносные перемены, происходившие в жизни общества. Эти перевалы-перегоны времени пережиты им ежемгновенно. Он смог перешагнуть через самые узкие, грозные теснины и про [13-14] пасти, повергая в изумление своих современников. Светом своего разума, интеллекта он рассеивал тупиковую тьму, разрывал сети, расставляемые на пути, и нащупывал выход, пробивал дорогу.

Да, он взошел на вершину. И над этой вершиной не клубятся туманы ненастья, и открывается даль в цветении весны, и солнце, как единоведец по духу, не скупится на свет и тепло.

Он испытывает радость. Это радость особая, не только личная, выражающая собственное самочувствие. Это гордая радость самоотверженного предводителя, прошедшего свое воинство через мертвые, безводные пустыни, причастившего людей к желанной цели. Это пророческая радость посвящения людей в боговдохновенную истину, в откровение, ниспосланное Господом во имя избавления людей от невежества, розни и раздора.

Великий Гражданин выстрадал эту радость. Это право не могут отрицать [14-15] даже самые твердолобые противники, самые близорукие недоброхоты.

В сердце Великого Гражданина, наделенного щедрым неизмеримым духовным космосом, теплится, дышит маленькая планета Азербайджан. Он знал и верил, что эта беспокойная планета однажды навсегда вступит в могучий хор мирового сообщества. Он избрал, вместил всю Родину в существо свое. В какой бы точке мира ни находился, какие бы посты ни занимал, следуя долгу

службы, — он всегда внятно слышал этот голос, звучащий в душе. И этот голос высвечивал его собственный путь. Вся Родина, ее плоть и твердь, ее богатства, доли и горы, реки и леса... ее люди — люди, имеющие право жить без пут и духовных оков, как граждане свободных стран мира, — все это аккумулировалось в его внутреннем существе. Он ощущал пространство Родины каждой клеточкой своего существа. И все, что болело, ранилось, [15-16] похищалось, обкрадывалось, разорялось у Родины, он ощущал в себе, как душевную, физическую боль. И он хранил это чувство сопричастности, проникавшее его существо, как бесконечная любовь, — чтобы вывести народ к светлым дням, к достойному будущему. Он нес это бремя во имя счастья народа. Какое же это огромное бремя, и каким Атлантом надо быть, чтобы взвалить его на свои плечи... Вынести эту тяжесть. Он — вынес. Он — смог, сжав в кулак всю жизненную энергию, всю силу духа и разума.

Великий Гражданин — он был первым человеком, лидером своей родины. Даже когда оказывался вне арены, в тени, он оставался бесспорным по влиянию и авторитету лидером нации. Максимально используя возможности режима, благодаря своему престижу, все, чего удавалось достичь и добиться, он делал с заглядом в будущее Азербайджана. Он был уверен, — молодежь, которую он направ[16-17]лял в элитарные научные очаги, знаменитые вузы Москвы, Ленинграда и других центров, станет строителем будущего Азербайджана. Убедительной логикой, обоснованными доводами отводил возражения бюрократов режима, недобро косившихся на возможности, предоставляемые Азербайджану. Доказывал, что его Родина-Мать, которую он нес в сердце своем, имеет полное право доступа в освященные храмы знания. Он прекрасно осознавал, что в тех исторических условиях отстаивать права республики возможно не лобовой конфронтацией с режимом, а в поле лояльного продвижения к пультам власти. Он знал и то, что функционеры в высших эшелонах, поднаторевшие в закулисных играх и подкованной возне, пока не способные заманить его в сети, при удобном случае отвернутся от него, подставят его. Знал, что руки, украшавшие его грудь орденами и медалями, не преминут, при случае, убрать его [17-18] с дороги. Фиаско, которое потерпели те, кто пытался физически устранить его в смутные времена, было предопределено знанием и предвидением этих реальностей.

Он хорошо знал цену истинному, благому труду. Сам великий труженик, он неустанно радел о людях труда, поощрял, воодушевлял их, говорил, что светлый путь к возвышению личности начинается с прозрачных и чистых капель пота, пролитых в праведных трудах.

Все это являлось нравственными принципами Великого Гражданина. Следуя им, он шаг за шагом осуществлял свои мечты и чаянья, причем осуществлял таким образом, чтобы "не дразнить гусей", не всполошить церберов империи, диктовавшей свою волю половине света. Эти принципы и устремления не диссонировали с его личными или семейными интересами, — в его судьбе интересы народа, родины слились воедино с личными интересами. [18-19]

В своей политической деятельности он избрал один путь: путь прямой, опирающийся на максимальную объективность. По прошествии времени он ввел в программу этого пути предельную открытость, гласность, демократические принципы.

Он умел предвидеть направление политических бурь, распознать их истоки.

И в этом смысле он — многоопытный капитан дальнего плавания, которому под силу довести корабль, плывущий в открытом океане до берега, умеющий обезопасить судно от всех превратностей пути, будь это айсберги, смерчи, или подводные рифы; капитан, знающий все уязвимые и ущербные стороны огромной машины-системы.

Те, кто стоял с ним в одном ряду в высших эшелонах власти, не могли до конца понять его — со своим зашоренным мышлением. Наверное, именно поэтому, из-за неспособности до конца постичь незаурядного, необычного политического колле[19-20]гу, они осторожничали с ним и, если можно так сказать, остерегались.

Когда советский колосс уже дышал на ладан, предпринимались отчаянные попытки спасти его, продлить ему жизнь путем политической терапии, косметического ремонта. Очевидно, этих "врачевателей" заботила не столько участь "пациента", сколько собственная синекура и слава. И в своем коллеге — Великом Гражданине, предвосхищавшем всякие новые веяния и смену погоды, они видели теперь препятствие. Поэтому они хотели убрать его с политической, исторической арены. Да, таковы были их помышления. Но время работало в пользу Великого Гражданина. Те, кто дрогнул, потерял голову в новых политических бурях, не смогли удержать бразды правления. XX век вошел в историю как век рождения красной империи. Этот же век будет столетиями упоминаться как век ее краха. Ошибались те, кто считал, что им уда[20-21]лось отстранить

Великого Гражданина от большой политики в дни, когда в недрах общества начал раздаваться гул новых тектонических сдвигов.

Его творческий интеллект вступил в пору нового расцвета. И плоды скажутся потом.

История уготовила ему очередное испытание. Выдержат ли вновь его воля, нервы этот экзамен?

Он замечал перемены в шкале ценностей, критериев, понятий. И считал все это закономерным. Не мирился только с одним: несправедливым, двурушническим, циничным отношением к его Родине — Азербайджану. Стерпеть этот произвол означало оправдать новые притеснения.

..Оглядываясь с вершины опыта на те дни, уже ставшие достоянием истории, он четко, до мелочей видел их перипетии. В памяти возникали видения тех дней: полыхающие горизонты, снежная зима, обгаренная кровью безвинных жертв... [21-22]

И чело его прорезали страдальческие морщины. Как бы ни хлестали холодные вихри на чужбине, вдали от Родины, горше были дующие с Родины ветры, несущие в себе ядовитую пыль вероломства и злокозненности... Это был предательский удар в спину, и чтобы выдержать такое, требовалась сверхчеловеческая сила. Организаторами анонимных и неанонимных писем в центр были доморощенные иуды. Супостаты Великого Гражданина, конечно, хорошо знавшие его, понимали, что он вновь найдет в себе силы и донесет правду до народа, рассеет самую кромешную тьму. Потому прибегали к преступным средствам, которым вовеки не будет оправдания. Он был светом. А они, как нетопыри, боялись света. Клевета, шантаж, угрозы близким, родным, тем, кто был верен ему, не могли вырвать из сердца памятливого народа благодарную любовь, не могли пресечь новые всходы этой любви. [22-23]

Кто же затеял эту "апелляцию" к Центру? Если бы она исходила от простых, рядовых тружеников, можно было бы предположить, что это заблуждающиеся, сбитые с толку люди, которые не в состоянии разобраться в сложном калейдоскопе событий. Нет. Великий Гражданин верил в чистоту душ рядовых, простых, честных сограждан, в их преданность. Он хорошо знал, что предатели-очернители — это те, кто пошел на поводу у врагов Азербайджана, строящих козни против республики. Это было даже не заблуждение. Эти людишки боялись за свои посты, которые они были недостойны занимать. Посты, за счет которых они набили себе мошну, нажили состояние... Отсюда и их страх, — при мысли о том, что Великий Гражданин, непримиримый к стяжательству, призовет их к ответу. У тех, которых он выдвинул, он требовал, чтобы они кормились благоприобретенным хлебом. [23-24]

Путь, пройденный им самим — был примером праведности.

Он верно оценивал ситуацию. Хотя был вынужден жить столько лет вдали от родного юга, в холодном северном климате, хотя он оказался в политическом ареопаге чужих и чуждых людей и столкнулся со всевозможными лишениями и преследованиями, он ни на минуту не забывал о том, что вернется на Родину.

На Родину, над которой сгустились черные тучи...

На Родину, участь которой оказалась в руках у некомпетентных болтунов-популистов, у корыстолюбцев и карьеристов, жаждущих власти и никчемных на поле политической борьбы. В результате народ впал в апатию и отчаяние, духовные устои были низведены, опошлены, повсюду царил произвол, самоуправство. Самым трагическим, самым страшным было то, что в дни, когда на земли Родины посягнули вероломные [24-25] соседи, у нас шла смертная грызня за бразды правления... Тогда как смертный бой должен был идти на тревожных рубежах Родины, конкретно говоря, против армянских фашистов — в Карабахе. По всей республике, вдоль и поперек, гремели выстрелы...

Сердце Великого Гражданина дало трещину. Это было реакцией на безответные стоны и зовы бедствующей Родины. И как больно, как невыносимо больно было в эти же тяжкие дни потерять спутницу жизни. Переживания вынудили его слечь.

...Когда он открыл глаза, рядом не было никого, кроме сына и дочери, нескольких родственников и горстки преданных людей.

Он не заслужил такого забвения, холода и бездушия. Он был достоин ответного тепла, любви и участия, тепла сердец тысяч и тысяч, сотен тысяч людей, которых он щедро согрел своей заботой. [25-26] Но, слава Богу, приходили к нему люди, которых он видел впервые, и был тронут, восхищен чистотой и благородством их души. Он всегда высоко ценил в людях верность. Он знал, что в переломные моменты часто именно преданные сподвижники склоняют чашу весов в пользу добра и справедливости. Люди, для которых правда превыше всего.

Он сам чтим и любим народом, как легендарный герой, освященный историей. За то, что всегда был поборником и заступником правды и справедливости. И потому он никогда не забывает ни чье благородство, бескорыстное участие, преданность и мужество и испытывает удовлетворение, когда видит каждого на подобающем месте.

Но все это произойдет потом. Пока еще впереди ждали грозные испытания, тяжелые удары судьбы.

Даже в самые критические минуты жизни и нездоровья он продолжал раз[26-27]мышлять о будущем и заглядывал далеко вперед. Но то, что виделось ему, даже близким людям казалось утопией, иллюзией, которой никогда не дано воплотиться в реальность. Да, так думали многие в его окружении. Он же со всей отчетливой ясностью прозревал свободу Азербайджана и верил в это всем существом своим.

Люди, очень немногие преданные люди пришли к нему в день недуга, чтобы поддержать, ободрить. И он обрел силы в участии молодых детей своих, смолоду же лишившихся материнской ласки, в участии преданных людей, а главное — в любви к Родине.

Он не позволил себе слабости, памятуя об исстрадавшихся, обездоленных, изгнанных из родных очагов горемыках, потерявших теплые гнезда, земли.

Он должен был переболеть, перетерпеть. И — смог. Впереди ждали беспощадные битвы. Он не боялся этих [27-28] сражений, схватки идей, принципов. А физический недуг отступил перед его волей.

Вдали брезжил свет надежды. Он улавливал, прозревал, откуда идет этот свет, и обратил взоры к нему, всем существом устремился к спасительному лучу... И эта неистребимая надежда согрела сердца его детей, передалась людям, верившим в него. Он мобилизовал всю свою духовную, интеллектуальную энергию, таящуюся в глубинных пластах сознания, как неприкосновенный запас, ресурс жизнеобеспечения. Такова была его природа. Его негибемый характер на протяжении всей жизни обязывал быть, как говорится, в боевой готовности.

Он возвращался на родину не с мыслью о президентстве, не из желания получить власть. У него не было таких амбиций. Он возвращался на Родину потому, что должен был вернуться. Здесь был его предвечный и вечный приют. [28-29]

Он возвращался еще и затем, чтобы поделиться с измученным народом своим многолетним опытом, как духовный отец, государственный и общественный деятель, чтобы ободрить отчаявшихся, помочь колеблющимся, показать мятущимся верный путь. Он не был легендарным Бахрам-Гюром, чтобы выхватить корону, поставленную между двумя львами... Вся родная земля была ему трибуной, откуда он мог говорить с народом во имя спасения Отечества.

Проходимцы и выскочки, прятавшиеся от света нетопыри боялись его пришествия, даже звука его имени.... Ибо они знали, что довольно будет одного его выступления, чтобы вывести на чистую воду новоявленных "Шейхов-Насруллахов",¹ морочащих легковерную толпу; [29-30] сорвать маску с беспринципных лидеров, поименно назвать их, лишенных национального достоинства, продающих за ломаный грош честь родины, родную землю... Одного его выступления, обращения было бы достаточно, чтобы народ, знавший своего Великого Гражданина, запомнившегося неустрашимым, могучим человеком с железной волей и зорким разумом, отозвался ему теплом, воодушевлением и последовал за ним...

Он вновь устремил взор в не очень давнее прошлое, когда небо Отчизны застили тучи ненастья и дни были обгарены кровью... Ведь народ мог бы избежать этой катастрофы... Не разглядеть вовремя, что империя рушится, — верх политической слепоты. Чтобы народ благополучно прошел между Сциллами и Харибдами в штормящем море, направить в верное русло энергию бушующих масс, — нужен был опытный предводитель, полководец. Но возвращению[30-31] этого лидера всячески противились. А сами, стоявшие у кормила, не могли осознать и признать свое головоуятие, слепоту... Логика мировой истории уже предредила исход красной империи. Трагедией было то, что горе-руководители республики, возомнившие себя лидерами, не могли этого осознать.

...Его смелое выступление-инвектива палачам, учинившим январскую бойню в Баку, прозвучавшая в центре империи, где фабриковались козни, потрясла мир. Палачей охватило смятение. Вновь сказалась сила Великого Гражданина. Мир услышал этот голос. Мир увидел страдающий, гневный и правый Азербайджан.

1/Шейх Насруллах — сатирический персонаж комедии Джалила Мамедкулизаде «Мертвецы».

Он хорошо видел, в какие берега бьет волна бушующих эмоций на его Родине, где искаженно представляли геополитическую погоду и неверно улавливали ее доминанту... Он знал, что, окунувшись в эту гигантскую человеческую стихию, сможет направить ее в верное русло... [31-32] С такими думами и чувствами возвращался он на Родину, к людям, которых знал, которым указал путь, воодушевил, окрылил; возвращался к политическим сподвижникам, к сонародникам, многих из которых считал своими единомышленниками. Возвращался, чтобы обеспечить себе права рядового гражданина, чтобы начать новую жизнь и помочь выжить Родине.

Он в досталь усвоил мудрые уроки жизни. Путь, пройденный им, был сам по себе школой мудрости и наукой жизни. О том, чтобы рассчитывать на какие-то особые привилегии и особое отношение, не могло быть и речи. В то же время он предвидел, какую реакцию вызовет его возвращение на Родину у властолюбцев — возвращение корифея большой политики.

Он не раз видел подтверждение прозрений своего ума и интуиции. Вот и теперь он был уверен, что его догадки и [32-33] предчувствия окажутся реальностью. Конечно, он бы не хотел, чтобы произошло именно так. Но прозрения гения не подвластны никому и ничему. В конце концов тревожные предчувствия заглушаются, унимаются усилием твердой воли и холодного разума.

Великого Гражданина не пустили в город, где он жил и работал. Это было неслыханное в истории самоуправство. Его не пустили в столицу республики, руководителем которой он был более десяти лет, столицу Родины, где он имел полное право жить и трудиться. В этом городе жили воспоминания юности, молодости. Ради благополучия, безопасности, процветания этого города, его жителей он работал без устали, не смыкал глаз ночами; посвятил годы, когда был в расцвете сил и здоровья. А теперь те, которые преградили ему путь, не считали нужным даже объяснить мотивы такого хамского поведения. Они [33-34] действовали по указке своих патронов, которые видели со стороны Великого Гражданина только добро и благо. В свое время эти люди стремились предугадать его желания по одному взгляду, жесту, выражению лица и лезли из кожи вон, чтобы исполнить его поручения. Теперь их поведение составляло разительный контраст с их прежним послушанием и исполнительностью. Как можно было это назвать? Быть может, здесь и не стоило останавливаться на этом постыдном эпизоде. Но обойти его молчанием не позволяет совесть. Пусть будущие поколения знают, через какие мытарства пришлось пройти Великому Гражданину, прежде чем вывести народ к мирным дням, сколько нравственных мук пришлось пережить, сколько ран перетерпеть...

Уста его исторгли горький смех. Он смеялся над абсурдной жестокостью жизни. Он не был наивен. Он сожалел о том, что люди не выдерживали и лома [34-35] лись перед превратностями судьбы. И смех его звучал трагически. Ибо сам он оказался в положении трагического героя, когда личность в единственном числе вынуждена противоборствовать с ополчившимся злом. Казалось, все придется начинать сызнова. Он понимал, что не только вести борьбу, но даже просто жить впредь будет проблематично...

Да, он горько смеялся над человеческим беспамятством, и этот смех говорил о присутствии духа, о силе характера, непреклонности воли. Он был готов ко всем крутым и суровым превратностям судьбы и не мог, не был вправе поддаться слабости, отрешенности, унынию. Гениальный тактик и стратег, оказавшийся в тупиковой, отчаянной ситуации, он просчитал варианты. И это умение - дар судьбы. Парадокс был в том, что ему не давали возможности приблизиться, прийти к народу, помочь Родине, которую он любил больше жизни. К вершине, кото [35-36] рой он был достоин, ему пришлось идти из далекого далека. С рубежа, откуда начинался его путь, — по настоянию всегда и безмерно чтимых и любимых им рядовых людей, аксакалов, честной и трезвомыслящей интеллигенции, по настоянию и требованию народа.

Сплочение мелких выскочек, малодушных людишек напоминает стадное чувство. Это сплочение ради циничных и корыстных целей. Индивидуумы, составляющие это так называемое сообщество, клан, проявляют большую беспощадность и хищничество. Такова оборотная сторона трусости и мелкоты. Он был уверен, что в скором времени эти типы обнаружат свое нутро и получают по заслугам. Как всегда, он не обманулся и в этом предвидении. Он знал, что, как веревочке не виться, а конец будет. Вероломству и злу нет прощения. Если с приговором запаздывает закон, то карает Бог, клеймит позором история. [36-37]

Человек не волен преступить рубежи времени. Требовалось время, чтобы многие истины стали очевидными. Упыри-нетопыри, как бы они ни пытались увернуться от разоблачительного света правды, которая исходила от Великого Гражданина, не смогут спастись. Но и для этого

требовалось время. Надо было дождаться срока, который обозначит крах тех, кто вешал народу лапшу на уши радужными посулами, пытаясь очернить светлый образ Великого Гражданина. Это не значило — ждать сложа руки, пока подоспеет время и само расставит все на свои места.

Такая инертность была чужда его натуре. До наступления той поры он будет бороться за утверждение идей, которые он считал справедливыми, как закономерный вызов времени. В такие напряженные моменты его феноменальный интеллект не однажды являл свою мощь. [37-38]

Его встретили с безмерной искренней любовью в отчем краю, на земле, где опочили его родители. Душевное тепло и участие простых людей, традиционные жертвенные заклания — курбан в знак высокого уважения при каждой встрече, — все свидетельствовало о том, что эта земля до конца будет ему опорой, воодушевлять в грядущих баталиях.

Бывает, в непогоду орел спустится с заоблачных высот, но сердце его зайдется от нехватки простора и озона и, при сильных и здоровых крыльях, он вновь устремится сквозь тучи к солнцу. Перефразируя Горького, скажем: рожденный летать, ползать не умеет. Прячущие "тело жирное в утесах" не понимали этого. Им было невдомек, что никто не волен помешать орлу, воспарившему в небе Азербайджана, над вершинами седого Кавказа, вновь расправить крыла и вернуться в родную стихию. И никто не дотянется до его орлиной орбиты, — руки [38-39] коротки... Эти вершины он покорил, окрыленный народной любовью, силой воли и разума своего...

...Лик Великого Гражданина озарен священным светом, и свечение зорких очей помогло идущим в сумраке смут найти верный, надежный путь.

Возведенный им Дворец-Государство зиждется на незыблемых опорах. Зодчий живет творением своим. Стоит ли теперь вспоминать те роковые дни, ушедшие в прошлое?..

Он, находившийся в отдаленной провинции, размышлял, пристально наблюдал за происходящим в столице республики, прослеживал идущие процессы до тонкостей, вслушивался в голоса, разбирался в раскладе сил: кто был приверженцем, кто — противником, кто — искренен, а кто — нет... Новые дни призывали его к действию, побуждали встать на стороне праведного народа, борющегося за правое дело. Народ был точкой опоры. [39-40] Той самой, архимедовой...

...Закладывался краеугольный камень грядущих свершений.

Новые тревожные предчувствия, трепетные наития в душе его сообщали о крутых стремнинах, грозных обрывах и головокружительных ущельях и испытаниях предстоящего пути.

Верность, преданность, надежность — в ряду высших достоинств человека, по его убеждению. Когда он вновь поднимется на вершину политического Олимпа, то не раз с благодарностью вспомнит преданность, которую проявляли к нему в трудные дни простые, рядовые сограждане, передовая интеллигенция. И будет свято хранить этот пример в душе. Великий Гражданин — он всегда высоко ценит в людях гражданственность, духовность, талант, верность общечеловеческим ценностям.

В далекой провинции начиналась его новая жизнь, новые трудные будни. Пос[40-41] ле первых встреч, приемов, посещений, коротких передышек на отдых он определил программу деятельности с жестким рабочим режимом. Составил планы ближайших оперативных задач, не упустив из поля зрения и особо значимые и, на первый взгляд, представляющиеся незначительными детали. В этих делах ему помогала феноменальная память, безотказно освежавшая знания в отраслях наук, основы которых были усвоены еще в молодости, пласты истории, детали политики...

Его яркая, харизматическая личность оставляла глубокий след в душе людей — даже после мимолетных встреч и короткого общения. Те, которым доводилось хоть однажды пообщаться, побеседовать с ним, запоминали это на всю жизнь. Людей восхищала его универсальная осведомленность, эрудиция, изумительная память. В том числе и то, с какой точностью, до перечисления имен и подроб[41-42] ностей, он вспоминал события далекой юности, почти полувековой давности...

Он уточнял для себя, с чего начинать, какие первые шаги предпринять, какие препятствия предстоят на пути...

Все проблематичные моменты тщательно анализировались. Здесь, наверное, надо искать корни, предпосылки будущих триумфов и побед Великого Гражданина, увековечивших его имя при жизни, явивших его спасителем родного народа и снискавших славу его Родине. Несомненно, все этапы, вехи, моменты его жизни заслуживают изучения. Вся его политическая деятельность — поучительный урок для молодой смены, грядущих поколений.

Глубокое изучение всего этого, конечно, дело историков, политологов, философов, психологов... Надо отметить и то, что жизнь Великого Гражданина, полная борений и бурь,

испытаний и свершений — благодатная тема худо[42-43] жественных воплощений, достойная дастанов и песен, которые будут слагаться во славу его, во славу государства, построенного им, необоримого, суверенного во веки веков...

Для него на арене политической деятельности нет ничего незначимого.

На этом ристалище он хорошо различает и друзей, и врагов. Видит и злопыхателей, и соперников. Его природе чуждо почивание на лаврах, самоуспокоение от достигнутых успехов.

С первых его шагов он досконально изучил политическую панораму в республике: кто есть кто, какие силы представляет, каковы их цели и амбиции, способности и возможности, на что и на кого опираются... Через несколько месяцев сложные узлы и хитросплетения предстали ему со всей обнаженной конкретикой. Новые условия он воспринимал во всеоружии политического знания. [43-44]

Люди отдаленной от столицы окраины сплотились вокруг него. Вместе с ним пережили тяжелейшие дни. Он разделял с ними все тяготы и невзгоды кризиса, бытовых трудностей, все тревоги задышавшегося в тисках блокады автономного края, достойно встречая угрозы врагов, в том числе и доморожденных... Вместе с людьми, верящими ему, терпел лишения самого непритязательного, более чем аскетического быта...

В столицу он прибыл уже как официальный руководитель автономной республики. Отныне весь Азербайджан был готов внимать его слову. Уже нельзя было преградить ему путь к всенародной аудитории. Кабинетные нетопыри вновь переполошились. Призванный в столицу по воле народа, он выдвинул свои предложения в связи с создавшейся ситуацией, высказал свою принципиальную позицию. Увы, стоявшие еще у руля горе-руководители республики, находившей[44-45] ся в состоянии войны с соседней страной, не только не дали ему возможности полностью и до конца изложить свои соображения, но и прибегли к новым нападкам. Впрочем, он был готов и к такой реакции. Уже ничто не могло заставить его свернуть с пути.

Он видел, что его оппонентов, любителей кресел и респекта, облеченных властью, ничуть не заботят национальные интересы. Они давно лишились способности мыслить здраво и реалистично.

Гнетущая, ранящая сердце картина, — каково было видеть беспардонную грубость многих бывших соратников. Слышать их демарши, направленные не только лично против него, а против очевидных истин и справедливости. Все это, по меньшей мере, выглядело как попрание нравственных устоев народа, к которому они принадлежали.

Ясно и аргументированно выражая свои суждения, он не стал вступать в поле[45-46] мику с беспринципными людьми, с нравственными калеками. Полемика полезна, когда ведется с достаточно компетентными, добросовестными и корректными оппонентами. Как говорили античные мудрецы, истина рождается в споре. Но все дело в том, что бывают горькие истины. Это тяжкое бремя. Выдержать ее, признать ее дано только сильным духом, безупречно честным. А горлопаны, гораздые только на популистскую риторику, были явно недостойны, чтобы оспаривать гениального реалиста...

Это выступление его на заседании Милли меджлиса стало яркой страницей политической истории и, вместе с тем, образцом искусства убеждать. В тот памятный день говорил полномочный представитель нации, выражавший ее чаянья, ее боль, ее правду. Эта речь станет наглядным пособием, уроком для тех, кто желает овладеть искусством убедительного и взвешенного ораторства. [46-47]

Ему говорили, что он бросается в пекло, что времена переменялись. Лучше бы не вмешиваться ни во что. Он не мог принять такую позицию. Это было невозможно — смотреть сквозь пальцы или прикинуться вовсе не видящим, как Родина, республика, которой он посвятил лучшие годы своей жизни, созидая и возвышая ее, — катится к пропасти... Он не мог поступиться нравственными принципами, которым следовал всю жизнь. Его побуждала говорить гражданская совесть, его устами говорило сердце, в которое вместились вся Родина... Родина—мать... И он, сын этой земли, не мог не слышать стоны Отчизны, возносившиеся до небес.

Локомотив времени мчался на всех парах. Мчался безостановочно, неудержимо навстречу новому тысячелетию.

Он пережил тяготы и невзгоды и экономического кризиса блокадного края; автономия уже ожила, задышала. [47-48] Но республика в целом пребывала в тревоге и растерянности перед навалившимися проблемами.

Начиналось жаркое лето 93-го года. Но в душах царил холод. Оцепенение. Народ задышался в трясине безысходности. Народ чувствовал себя обманутым теми, кто выставлял себя

его радетелем; убеждался в их несостоятельности, головотяпстве, переживал горькое разочарование, не видел пути выхода перед надвигающейся катастрофой... Стояла жара, а в душах — остуда. Леденящая стужа... неверия, тревоги, разочарования, отчаянья...

И тогда все — от мала до велика — обратили взоры к нему. Даже самые непримиримые его антагонисты вынуждены были признать, что никому, кроме него, не разобраться в создавшемся хаосе, в смуте, которой не было, пожалуй, аналогов. Лилась кровь на фронтах, а тут еще доморощенные "наполеоны" взялись [48-49] выяснять отношения автоматами и бэтээрами...

Вероломцы прикусили языки. Они не могли возразить, опасаясь народного осуждения: "Если сможет управиться, пусть уж явится, вытащит страну из трясины...". Тем самым он подвергнулся еще одному испытанию. Кризис, перевернувший все вверх дном, обернулся злокачественной опухолью, пожирающей веру людей в завтра, их волю...

Он не мог не внять призыву народа.

По зову народа, искренних людей, высоко чтящих его и желающих видеть его на подобающей и заслуженной ступени, он вышел на поединок со злом, взявшим Родину за горл о... История вверяла ему новую, труднейшую миссию. Начиналась самая ожесточенная и самая славная битва в его жизни.

На протяжении его опасных дорог — от аэропорта до высших инстанций, от Баку до Гянджи и вновь — в столицу он [49-50] слышал призывы, заклинания: "Спаси нас от этой беды!"

Он шел в пекло. А пальцы вероломцев из "пятой колонны" лежали на курке... Мишенью был мыслитель, побуждающий мыслить, провидец, открывающий глаза незрячим, Отец нации, подобный Ататюрку... А он, можно сказать, безо всякой охраны шел в самые опасные точки, в эпицентр событий, в гущу толпы, чтобы воочию увидеть происходящее; при этом он ощущал моральную поддержку обступавших его масс...

Державшие его под прицелом супостаты видели проявления этой массовой поддержки и опасались народного гнева. Великий Гражданин, пройдя через клокочущее, грозное пекло, протянул руку помощи Матери-Родине, и в глазах ее затеплился свет надежды.

Вооруженные отряды, сколоченные по клановому принципу "удельных князьков" - башибузуков, пошли на самое [50-51] низкое, — оставив пылающий фронт, земли, безоружный и беззащитный люд перед взбесившимся врагом, они покидали поле боя... Мирное население сдаваемых врагу земель, лишившееся крова, защиты, оказалось в беженцах, нашедших пристанище в чалых степях и ютившихся в походных палатках...

Народ клеймил позором и проклинал вероломцев. Столь бесславного и позорного ретирования с арены истории, арены политики, быть может, не было и не будет на свете.

Великий Гражданин вместе с народом, нацией пережил и эти испытания. Вопреки ожиданиям недоброжелателей и недругов, вывел из бури терпевший бедствие корабль молодой суверенной республики. Заявил во всеуслышание, что впредь не дотянутся до нее загребушие имперские руки. Силой искусства дипломатии, политического опыта, логикой интеллекта обломил злобно скре [51-52] жещущие из-за кордона клыки. Враги почуяли, что эта скала им не по зубам. Он вел борьбу одновременно на нескольких фронтах. Ему пришлось тратить драгоценное время, нервы и силы на отповеди виновникам раздора и смуты, которые теперь без зазрения совести драли глотки, пытаясь обелить себя. Ему пришлось ломать голову над тем, как оградить, где приютить обездоленных изгнанников в канун наступающих холодов. Он призывал людей мобилизовать все силы, обращался к состоятельным соотечественникам с призывом помочь беженцам, проявить милосердие и участие. Он продолжал возвещать миру правду об Азербайджане — сквозь удушливую завесу лжи и дезинформации. Утверждая гласность, демократию, верховенство закона и опираясь на них, в необходимых случаях проявлял суровость. Беря инициативу на себя и постепенно обретая позиционное преимущество, предприни [52-53] мал решительные шаги, чтобы покончить с раздром, перетягиванием канатов и восстановить вертикаль власти.

Он не мог скрыть потрясения и боли при виде мытарств обездоленных людей, понесенных жертв, но не терял веры в то, что его народ сможет выпрямиться и возродиться.

Его избрали главой государства. Он поклялся, что посвятит все силы борьбе за счастье и благоденствие Родины, будет бороться во имя этой цели до последней капли крови... Он поднял Конституцию над головой и возложил руку на священный Коран... Преклонив колени, поцеловал трехцветный стяг суверенного Азербайджана. Стяг, который еще недавно не хотели возродить не видевшие дальше своего носа горе-руководители. Но он поднял этот стяг еще там, в автономной окраине...

Великий Гражданин предпринял титанические усилия, чтобы вывести страну и [53-54] народ на путь интеграции с цивилизованным миром. Упразднив и устранив конгломерат вооруженных отрядов, вставших на путь бесчинств, самоуправства и разбоя, он приступил к строительству регулярной армии. Это было составное звено строительства Государства.

Реликты прежнего, уже ушедшего в историю общественного строя в дело не годились; стены старого государственного здания, его "несущие конструкции" рухнули; новое демократическое мышление нуждалось в новой государственной архитектуре.

Но при всей разрухе и развале в его распоряжении был большой интеллектуальный потенциал, когорта компетентных единомышленников, представителей интеллигенции, которые еще год тому назад обратились к нему с призывом вернуться к власти и ныне поддержали его программу. [54-55]

Поиск пути к возрождению предполагал и диктовал необходимость вовлечения природных ресурсов разоренной страны в сферу национального, общенародного достояния на новой основе рыночных отношений. Необходимо было, в первую очередь, отрешиться от стереотипов советского мышления, не соответствующего принципам рыночной экономики. Надлежало осуществить коренные реформы — подчас встречающие сопротивление ретроградов. Он призывал всех, в первую очередь, строителей новой государственности, быть внимательными к морально-психологической стороне преобразований.

По его инициативе были заключены многосторонние договоры с крупнейшими зарубежными компаниями на освоение нефтяных ресурсов каспийской акватории республики, получившие название "Контракта века". Это был смелый, международно признанный шаг к эконо[55-56] мическому возрождению страны, к выводу Азербайджана из кризиса, знаменующий начало новой нефтяной стратегии.

Великий Гражданин преодолел сопротивление скептиков, популистствующих болтунов. И вывел народ на путь, который сделает его хозяином своих богатств.

Он хорошо знал, что отставные властолюбцы, не переставшие питать иллюзии на возвращение, могут прибегнуть к любым средствам, чтобы вновь "разгуляться" на народных костях. Верно сказано, что горбатого могила исправит. Авантюристы, тешащие себя надеждой, что "Авось да и возвратят" (мир праху Джагила Мамедкулизаде!) — предприняли попытки расчленив страну, замутить воду. Осуществи они свои низкие помыслы — тогда Азербайджан, расколотый на удельные ханства-княжества, сошел бы с мировой политической арены. Великий Гражданин пресек эти попытки[56-57] годом раньше, вернувшись в столицу, заставил умолкнуть гиен, норовивших урвать от истерзанной нашествием республики еще куски — с юга и с севера... Теперь объявились новые авантюристы, до поры до времени не подававшие голоса. Они метили в самое сердце Великого Гражданина — хотели нанести удар по государственности.

Он воззвал к народу. Народ, уже прозревший, знавший, кто какого поля ягода, нельзя было обмануть. Народ единодушно встал на сторону своего лидера. И свет, исходивший от него, разогнал зловещую тьму, надвигающуюся на Родину.

Своими подчас самыми неожиданными политическими ходами, предпринимаемыми во имя обеспечения безопасности страны и общественно-политической стабильности, испытанный лидер оставил невежественных игроков в политику, уповавших на оружие и силу, в матовом положении. Он вывел на чистую воду и [57-58] тех, кто за кулисами опекал эти силы и выжидал, чтобы обратить их против народа.

Отныне у страны были надежные силовые министерства, очищенные от авантюристов, армия, построенная на регулярных началах, с компетентным составом. Были обезврежены и разоблачены те, кто в угоду амбициям и по наущению закулисных покровителей прибегал к террору, всевозможным козням и был готов на еще более страшные злодеяния. Башибузуки, пытавшиеся пролить кровь даже в светлые дни Новруза, получили по заслугам и оказались на свалке истории.

...Он смотрел в дали грядущего. Пути в будущее шли из прошлого из тех взбаламученных, мучительных, тяжелых дней... Из прошлого, когда правили бал возомнившие себя выдающимися политиками неучи, не знавшие азов политики. Те люди, которые пытались вести сме[58-59] хотворные манипуляции с родным языком — основным идентификатором нации, хранителем ее духа и памяти; пытались даже переименовать самоназвание родного языка.

Великий Гражданин призвал к обмену мнениями деятелей науки, культуры, специалистов, движимый желанием рассмотреть этот крайне деликатный, тонкий вопрос с участием широкой аудитории, на демократической основе, без всякого навязывания официальных установок. И

побудил собравшихся осознать объективную истину, связанную с самоназванием нашего национального языка. Тем самым было сохранено естественное название языка, — объединяющей всех нас духовной субстанции.

Он стал гарантом свободы слова. Обеспечил утверждение демократического климата. Проявил гуманность даже в отношении злосчастных врагов, готовивших покушение на его жизнь. Переступил [59-60] через обиды. Предал забвению причиненное ему зло. Но предупредил всех, что предателям Родины и впредь пощады не будет.

Великий Гражданин не забывал и о своем родительском долге. Взрастил, воспитал детей, — патриотов, способных достойно представлять свой народ и страну, свято чтящих духовные ценности народа.

Он являл и являет пример бережного, ревностного отношения к духовному наследию нации.

Вспомним торжества, посвященные 1300-летию замечательного памятника народного творчества — "Книги Праотца Горгуда", юбилейные мероприятия - дань памяти и любви бессмертной поэзии Физули... сколько еще таких форумов, празднеств, встреч... Воздадим должное их вдохновителю, инициатору и участнику — Великому Гражданину!

Он трудился, не зная усталости. Перед его взором оживает путь Азербайджана [60-61] — из седой старины в настоящее, из сегодняшней яви в даль грядущих веков, проступают вершины, которые предстоит преодолеть.

Он знает, что бальзамом его много пережившему сердцу может быть только единство и благополучие Родины. Он сделал и делает все, чтобы избавить народ от бедности, нужды, лишений. Он подготовил политическую почву для того, чтобы освободить, очистить от армянских оккупантов захваченные земли Родины. Возвестил миру, что мы предпочитаем мирный путь освобождения наших земель. Но если вероломный захватчик не откажется от своего агрессивного упорства и не пойдет на справедливое решение, то он, как Верховный Главнокомандующий, исполнит свои прямые обязанности в этом качестве в борьбе народа за правое дело...

Он посетил многие страны с государственной миссией. Терпеливо и пос [61-62] ледовательно доносил до международной общественности правду об Азербайджане, объяснял, доказывал, кто агрессор, а кто жертва агрессии...

Он запечатлел имя своей нации на скрижалях современной истории, где стоят подписи ведущих стран мира. Своими историческими свершениями он снискал великую славу — не только себе, но, прежде всего — народу и стране своей.

Наука государственного строительства, сотворенная и воплощенная им, послужит грядущим поколениям. Уже сейчас выросла молодая смена политических деятелей, усвоивших и постигших это духовное достояние. То, что в их рядах — достойный сын Великого Гражданина, радуется не только его, но и весь народ. Народ необорим, когда ему есть на кого опереться.

С высоты прожитых лет, он видит светлые лица людей, обративших взоры [62-63] к восходящему солнцу нового дня. Он видит счастливые грядущие дни Азербайджана, пути, простирающиеся в бесконечную даль времен, в вечность...

Он помог измученному и оболганному народу подняться, встать во весь богатырский рост, и благодарный народ вознес его на вершину заслуженного признания, славы и любви.

Достаточно ли человеку одной отпущенной жизни, чтобы реализовать себя, осуществить сокровенные, заветные чаянья? — вопрошали философы на протяжении веков, и мы тоже задаемся этим вопросом. Пример великих — ответ на этот вопрос. [63-64]

Господь уберег его. Уберег ради истерзанной врагом Родины, ради безвинного народа, судьбами которого распоряжались профаны.

Великий Гражданин — на вершине, через которую проходят история и время. Отсюда мир предстает во всей многоцветности и необъятности. К этой вершине вела дорога длиною в восемь десятилетий.

Пройдут годы, будут сменяться зимы и весны. Но вершина, на которую взошел Великий Гражданин, пребудет в покрове неувядающих трав и цветов, в уборе вечнозеленой весны, напоенной неизбывным теплом любви людей, любви Родины.

Солнце, встающее над этой вершиной, озаряет все просторы Азербайджана. Его лучи простираются во все части света, пересекая материки и океаны, неся тепло [64-65] нашим сонародникам, рассеянным по всему свету...

Дорогу осилит идущий.

Дорого пути тебе, Великий Гражданин!

*Мы идем в будущее, воодушевленные твоим светом! Светом щедрым, надежным и
благословенным! [65]*

Bədii redaktor: *Abdulla Ələkbərov*
Texniki redaktor: *Səbinə Məmmədova*
Dizayner: *Arif Həsənov*
Korrektor: *Nina Suxomyas*

Çapa imzalanmış 27.03.2003. Kağız formatı 70x90¹/32. Ofset çapı. Tabaşirli kağız.
Sifariş 45. Tirajı 1000.

Azərbaycan Mədəniyyət Nazirliyi
«Gənclik» nəşriyyatı

Bakı, 370001, H.Hacıyev küçəsi, 4.
«Təhsil» nəşriyyatının mətbəəsində
çap olunmuşdur.
Bakı, 370073, Şəhriyar küçəsi, 6.